
ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

© 2005 И.Н. Колясников

УДК 373.1.02

ББК 74.200.5

К 60

Интегративное поле нравственно-эстетического континуума в нартиаде

Аннотация:

В статье анализируется нравственно-эстетическое содержание нартиады как различных версий (адыгской, осетинской, абхазской, чечено-ингушской) эпоса «Нарты» раскрывается через принципы организации. Как показал анализ данного эпоса, это поле – континуум имеет в свою очередь два интегративных поля: «добродействие (добро) – справедливость» и «достоинство – совесть». Элементы поля коррелируют между собой и, вместе с тем, как монады, целостности синтезируют все элементы нравственно-эстетической культуры, будучи в своем существовании зависимыми от них.

Ключевые слова:

Нартиада, версия, монада, синтез, эпос, континуум.

В адыгской этике Б.Х.Бгажноков отмечает пять постоянств или констант. Среди первых принцип человечности, содержание которого в трактовке Б.Х.Бгажнокова близко к понятию добра. Добро – это способность и готовность человека изменять существующие условия, когда они его не удовлетворяют. Человечность раскрывается в понятии хэзгыр, которое является концентрированным выражением повседневного альтруизма и самопожертвования, ассоциируясь с такими понятиями, как услуга, одолжение, выручка, помощь. Это готовность действовать в интересах ближнего, порождающая у человека чувство защищенности, уверенности, что в трудную минуту он может рассчитывать на сочувствие и помощь со стороны окружающих.

Добро – это положительная ценность как благо. Добродействие – способность человека оказывать людям благо, дарить его. Второе понятие, раскрывающее человечность псапэ – концентрированное выражение добра, блага, благотворения, спасения, жизни, души. Примеры:

«Псапэ – своего рода духовная искра, которая высекает добро в сердце страждущего» [1.33].

«...Псапэ стоит у истоков и в центре древнейшей религиозной системы адыгов, не утратившей своего значения и по сей день». «Псапэ – понятие, в котором слиты воедино две идеи – благодеяния и воздаяния» [2.32].

«Псапэ – наилучшее выражение идеи, согласно которой доброта должна быть деятельной и бескорыстной, основанной на вере в Бога и в надежде на спасение, а не в расчете на земные блага. Обязывая совершать добрые, человеколюбивые поступки, адыгство придает им статус сакральных, богоугодных деяний, имеющих самостоятельную ценность – как средство

самоорганизации и самоусовершенствования личности и общества» [3.34]. Человечность раскрывается также через эмпатию – гушцэгъу. Эмпатия же – доброе, непредвзятое и уважительное отношение ко всему живому.

Из этого становится очевидным, что в адыгской нравственной культуре человечность раскрывается в своем содержании через благодеяние, доброту. И если это одна из главных констант адыгской этики, то тем самым и категория добра оказывается интегративным элементом.

Установление тесной связи человечности с благодарностью является подтверждением правомерности рассмотрения добра и справедливости в составе единого интегративного поля. Благодарность как признак человечности Б.Х. Бгажноков рассматривает в качестве проявления справедливости. «Благодарность предполагает готовность ответить добром на добро, любовью на любовь, уважением на уважение».

«Этика обязывает к тому, чтобы ни одно сколь угодно значимое доброе дело, слово, побуждение не остались без внимания, без нравственного отклика» [4.40].

Благодарность как форма проявления справедливости раздвигает горизонты человеколюбия. Справедливость есть мера деяния и воздаяния добром. Подобную меру мы обнаруживаем и в эпосе. Воздаяние добром требует щедрости души, и у героев эпоса она присутствует. Примеры: сказание «Золотое яблоко» начинается с сообщения о том, что на земле нартов росла чудесная яблоня, дававшая каждый день золотое яблоко. Но вот яблоки стали исчезать. Нарты обратились к самым метким и отважным стрелкам-братьям Пыджэ и Пызыгэш. Они стали сторожить яблоню и обнаружили, что яблоки похищают белые голубки. Пызыгэш ранил одну из них, но поймать её не удалось. Братья долго преследуют голубок. Доходят до моря и видят, что их след пропадает в воде.

Пызыгеш спускается в глубину моря и устанавливает, что это дочери богини морей Псытха-гуашэ. Одна из них оказалась прикованной к постели из-за тяжелого ранения. Братья раненой сказали Пызыгеш, что спасти её может только пролитая кровь. Но ещё когда Пызыгеш поранил птицу, он смочил её кровью платок, и позже приложил его к ране больной, которая стала тотчас здоровой. Братья были счастливы и в знак признательности предложили ему в жены своих сестер. Пызыгеш выбрал спасенную им Мыгээш-гуашэ. Щедрость души как признак справедливости проявляется в том, что человек воздаст другому за добро больше, чем получил. Здесь видно, как обе стороны проявили щедрость души. Братья отдадут свою сестру в жены тому, кто её смертельно ранил. А Пызыгеш берет в жены ту, которая похищала золотые яблоки.

Вторым интегративным полем нравственно-эстетической культуры нартиады является единство достоинства и совести.

Достоинство – это осознание и переживание человеком самого себя и других как ценности. Достоинство основано на самоутверждении человека в жизни, укоренении в полноте бытия. Самоутверждение не сводится к простой физической выживаемости, оно обогащается в своем содержании за счет достоинства. Самоутверждение имеет прежде всего нравственное содержание. Это самоутверждение человека как ценности в достоинстве, через достоинство. Осознание человеком себя как ценности, обретение достоинства конкретизируется, когда он оценивает как ценности отдельные нравственные качества: добродетель, справедливость, долг, совесть, любовь. Таким образом, содержание достоинства раскрывается в системе нравственных ценностей и через них.

В силу этого достоинство с его признаками, проявлениями, чертами обнаруживается во всех нравственных качествах и, следовательно, оказывается общей основой их существования.

Доказательством того, что в эпосе на первом плане стоит достоинство, может служить то, как на эту ценность ориентировались нарты. Начнем с главных героев. Одним из центральных образов в эпосе является Тлепш. Как в нём представлено достоинство? Когда Сатаней обратилась к Тлепшу за советом и помощью в связи с зарождением в камне жизни, она предварительно спросила его, можно ли поделиться с ним своей тайной. Тлепш ответил утвердительно. Тогда Сатаней предложила ему следовать за ней, на что Тлепш ответил: «Пойдем, мужчина от своего слова не отрекается». И этим подчеркивается то, что Тлепш ценит мужское достоинство, и апелляция к нему служит залогом доверия.

После извлечения младенца из камня Тлепш в этом сказании признает достоинство и главной героини эпоса. Обращаясь к Сатаней, он говорит: «Но большего удивления достойна ты».

В следующем сказании о том, как вырастили Сосруко, соблюдение принципа достоинства, оказывается, распространяется даже на строптивого коня, которого Тлепш подарил Сосруко. Сосруко ухватил коня за длинную гриву и заставил опуститься, ударил по голове и осадил Тхожея.... пригнул к земле так, что вынудил его застонать. Наблюдая эту сцену, Тлепш сказал: «Сосруко,

не чини насилие!». Он рассматривал подобное обращение как принижающее достоинство коня.

«Три брата-нарта на высокой горе косили траву. Подзадоривая друг друга, братья косили траву. Когда младший был впереди, старшие не могли догнать его. Когда старшие оказывались впереди, младший догонял их. Досадно было старшим, что младший брат косит лучше, чем они... Старшие братья, злые на младшего, в один голос сказали: – Ты догонишь нас не потому, что ты сильнее нас или умеешь косить лучше, чем мы, а потому, что твоя коса лучше наших» [5.192-193].

Братья были уязвлены в своем самолюбии. Восприняв успех младшего брата как принижение их достоинства и компенсируя это, они приписали причину победы брата простой косе.

Ёрюзбек, сын Схуртука, – всем нартам глава – понял, что самая тяжкая мука – безграничная власть красноликого, рыжебородого Фука, притеснителя, страшнее которого нет на свете.

Фук учинил над Ёрюзбеком расправу за то, что на его требование Фука дать ему стадо баранов он дал одного худого:

«Был я молод, ему я казался в забаву,
Учинил надо мной, над мальчишкой, расправу,
Он двенадцать баранов увел у меня.
Не забуду я этого черного дня!
И язвит он, и жарит меня, как шашлык.
Не прощу красноликому Фуку обиду,
С нартской мстью на битву с противником выйду»

[6. 216-217].

Фук унижает достоинство Ёрюзбека, и это для него самая страшная мука. Для этого он готов на смертельную битву. Сохранение достоинства для него вопрос жизни и смерти. Для нартов Фук был ненавистен не только потому, что по праву владыки он собирал с них «каждый год шестьдесят изобильных столов, столько ж валухов, столько ж коров и волов», но и из-за того, что унижал их достоинство, и поэтому воспринимался как воплощение зла.

Герои эпоса обычно очень чувствительны к оскорблению их достоинства. Сосруко появился неожиданно в кузнице Тлепша. Тот же старался не показывать, как он работает, и выразил недовольство. Сосруко не придавал этому значения и сказал: «Дверь кузницы и дверь отхожего места всегда открыты». Тлепш произнес: «Зловредный ты, нет в твоём облике добра».

Тлепш был оскорблен в своем достоинстве даже через место, где он работал. Непочтительное отношение Сосруко к кузнице он рассматривал как крайнее унижение своего достоинства. Более того, это пространство оберегалось Тлепшем даже на микроуровне. Он был оскорблен в своем достоинстве не только тем, что Сосруко без разрешения зашел в его кузницу, святая святых, где он трудился, но и тем, что он заглянул в его рукав во время работы. Это воспринималось как сглаз. После поражения при встрече с Тотрешем Сосруко возвращается домой, и вот какой диалог происходит между ним и матерью:

«– Мой сын дорогой,
На хасе нартов, куда ты ездил,
Какие новости, расскажи мне.
– Мать моя, Сатаней-гуаша,
Хоть ты женщина, но глупа,

Разве женщина о хасе спрашивает?
Разве к женщинам за советом обращаются?
– Уашо-кан, я убью себя, – сказав,

Стальные ножницы Сатаней достает» [7.212].

Почему такая острая реакция на слова у участников этого диалога? Почему Сосруко называет глупой свою мать, советом которой он всегда пользуется и чью мудрость ценят все?

Потому, что было затронуто достоинство Сосруко. Сразу же, как возвратился домой, он сказал: «Мать моя, Сатаней-гуаше, заставь твою Марух кроить для меня. Заставь твою Марьбз шить для меня. Заставь их таджелей для меня приготовить». Имеются в виду погребальные одежды. Мать не обратила на его слова внимания, а стала спрашивать о хасе. Сатаней же была оскорблена в своем достоинстве как мать. Но она была для него более, чем мать, – подлинным другом. И об этом свидетельствует ее реакция на слова Сосруко. Она не только произнесла угрозу, а достала ножницы, чтобы её угрозу выполнить.

Достоинство распространялось на духовную и физическую жизнь человека вплоть до мельчайших элементов: нарты закопали Сосруко живым в землю, хотя он им не раз помогал и защищал их от бед. Мотив: он не дает нам спокойно жить. Они боялись за себя и свою жизнь в ценностном аспекте. Они хотели спокойствия, а покушение на него рассматривали как посягательство на свое достоинство, ибо в этом спокойствии видели одну из главных ценностей.

Бадыноко в битве поверженным врагам ставит на лицо тавро: «Будь вестником поражения», дает оплеуху и отпускает туда, откуда они пришли. Это печать крайнего унижения в достоинстве поверженного врага. Выражение: «Будь славным джигитом», которое было важнейшим напутствием нарту, означало: храни достоинство воина, джигита. В «Колыбельной», посвященной Бадыноко, героя называют светлым, мужественным нартом, солнечным днем. И это точная характеристика его достоинства. В эпосе человек, обладающий достоинством, называется героем, от которого зависит счастье и благополучие рода. В песне о Батразе, сыне Хамыша (кабардинский текст) говорится: «Мой свет, когда вырастет, героем станет, и это принесет счастье нартскому роду». Батраз отождествляет своё достоинство с отцовским:

«Богатыри-нарты, коль хотите, назову цену моей крови:

Приставьте лестницу к небу и поднимитесь по ней,

Принесите в сите воды и напоите меня,

Сделайте дверь из боярышника и вставьте в дом,

Соберите нарты всю вашу парчу,

Наполните две котомки парчовым пеплом,

Найдите мне собаку с черной головой без белых пятнышек!

Все, что сказал, – цена крови старого Хамыша» [8.212].

Цена крови, значит, цена достоинства. Достоинство – это кровь человека.

Критерии оценки самого достоинства безграничны. Ценность достоинства Батраза и его отца неизмерима. Ничто не может сравниться со значимостью достоинства. Это самая высшая ценность. Таков смысл слов Батраза об этом качестве.

Другой пример: Насрен и Сосруко решили уничтожить Шауея, сына Канджы, из-за того, что он

превосходил их в мужестве, был метким стрелком, грозой для других. Они осознали, что он превосходит их в достоинстве; их самолюбие было очень уязвлено. И Адюих была преисполнена чувством собственного достоинства, зная, что она славится среди людей своей красотой и обладает необычной способностью: её руки излучали свет.

В нартиаде достоинство как осознание собственной ценности органически связано с совестью, ибо совесть как способность человека критически оценивать своё поведение расширяет его представления о своей значимости. Взаимозависимость этих нравственных качеств, ценностей в эпосе ярко представлена в образе Дыгулих. У нартской девушки Дагулих, дочери Хатукая, «было много женихов»: «её руки просили Сосруко, Батраз, сын Хамыша, Шауэй, сын Кянша, Большой Чилахстан, Нагуроко Глух».

Выбирая жениха, она, естественно, должна была оценить его по достоинству. И она обосновывает критически свой акт выбора, то есть оценивает женихов так, как ей подсказывает совесть.

О Шауэе, сыне Кянша, она говорит, что он угоняет у людей триста пестрых коней, значит, он жаден, а конь у него кривой, поэтому он плохой воин. Но главный аргумент, который она выдвигает, – это то, что у него плохая мать. Если плохая мать, видимо, по её представлениям, не может быть хорошим и сын, и, таким образом, она отвергает его как жениха. Батраза она отвергает потому, что он очень печется о своем теле: перед боем надевает на себя семь кольчужных штанов и затевает битву сразу у семи дверей нартовской крепости.

У Чилахстана после ранения голову скотили гвоздями. Он нетерпелив, жаден: отрезает окорок и сразу проглатывает. Он украл коня Язовых, загоняет безжалостно собак. Дыгулих отвергает и его. Нагуроко Глух может украсть белого коня у братьев своей матери, Сосруко рожден камнем.

Дагулих отдает отчет в своих действиях, они критически обоснованы. Это признак развитой совести. Но Дыгулих дает перечень отрицательных черт в образе женихов, которых она отвергает. Таким образом, через отрицание их утверждаются положительные нравственные качества. Она не живет по таким принципам-качествам, и это не просто вербальный акт. Дыгулих практически отвергает жадность, трусость, несдержанность, недисциплинированность.

Достоинство как элемент интегративного поля интегрирует все нравственные ценности, в том числе и элементы первого интегративного поля, добродетель в единстве со справедливостью. Добродетель и справедливость содержат в себе элемент достоинства как общую основу, которая их и объединяет. Например, Адюих делает добро, освещая путь во мраке ночи. Это становится её нравственным качеством и выступает как добродетель, готовность и способность к свершению добра. Но в ее добродетели выразилось и достоинство. Когда её муж стал хвалиться своим геройством, Адюих сказала: «Что ты хвалишься? Разве я тебе не помогаю?» Этим подчеркивалось самоутверждение Адюих в достоинстве. Узнав после смерти мужа, что нормальный брак предполагает половые отношения, а её муж скрывал это, и осознав данное сокрытие как оскорбление женского достоинства, чести жены, Адюих решает предать его

мертвое тело на растерзание зверям и рассматривает это как добродейание. Таким образом, восстанавливается закон включения достоинства в добродейание в сознании Адиюх.

Достоинство можно увидеть и в содержании справедливости. Адиюх согласилась с Сосруко и не стала разрывать курган над могилой мужа. Она поступила справедливо, в соответствии с древней традицией и тем самым утвердилась в достоинстве; её достоинство послужило упрочению справедливости. Добродейание и справедливость на основе достоинства сливаются до неразличения, тождества.

Как же достоинство выполняет интегративную функцию по отношению к любви и долгу? Вопрос о соотношении любви и долга со всей остротой был поставлен И.Кантом, который постарался дать на него свой ответ. Он шёл к выводу, что любовь и долг не связаны между собой.

Нартиада убеждает, что в древности такое единство существовало; в нартскую эпоху данная проблема актуализировалась в связи со сменой семейно-брачных отношений, с переходом от полигамии к моногамии. Практически это сводилось к вопросу, как должны относиться друг к другу муж и жена в моногамной семье.

Возможна ли апелляция к долгу, когда любовь мужа и жены исчезает? Любовь – отождествление любящего с любимым в мыслях, чувствах, действиях. Интегративная функция достоинства по отношению к любви и долгу в «Нартах» выражается в том, что и в основе любви, и в основе долга лежит достоинство. Даже обычай похищения женщин не предполагает посягательства на достоинство женщин. Обычно похищались девушки, лучшие в селении или в семье, и отношение к ним основывалось на признании ценности женщины как человека. Плохих женщин обычно не похищали в целях заключения брака или физического обладания. Лашин выбирает, как и Дагулипх, женихов. Делает выбор в пользу Ашамеза, но он отвечает отказом. И один из аргументов – невнимание Лашин к достоинству избранника. «Лучшим нартским джигитам ты даешь прозвище... ты нарушаешь обычай», – говорит Ашамез. Лашин унижает достоинство джигитов, насмехаясь над ними. После этого и Лашин изменяет свое решение и отвечает Ашамезу отказом, используя аналогичный аргумент. Ашамез хвалится мужеством, но он не мужчина, т.е. это человек с ложным достоинством, и Лашин считает, что любить такого мужа она не сможет.

Долг – восприятие интересов другого как своих собственных. Любовь – отождествление субъекта любви с объектом. В том и другом случае присутствует принцип тождества, и это служит их скрепой.

Но в нартском эпосе наблюдается и другое выражение этого единства. Как и любовь, долг был основан на признании за другим достоинства, чувство долга основано было на чувстве собственного достоинства. Например: у нарта похитили жену. После безуспешных попыток в битве вызволить её из плена великанов он обращается к прорицателю, который предсказал ему, что освободить её может человек, который ещё не родился. Это будущий сын Чэчана. Нарт берет в плен Чэчана, надеясь, что, когда его придет освобождать сын, он отпустит отца в обмен на услугу по освобождению жены. Долгом нарта было во что бы то ни стало освободить жену. Но чувство долга сопряжено у него было с достоинством. Он стремился при

любых обстоятельствах исполнения долга сохранить достоинство. Первым признаком проявленного чувства достоинства было то, что нарт поверил предсказателю (Усарежу) и решил положиться на человека, который ещё не родился. Но самое трудное заключалось в том, что нарт должен был выполнить супружеский долг перед женой ценой пленения отца её освободителя, которое не должно было нанести вреда ни достоинству плененного, ни нарту, державшему его в плену. Он создал пленнику – старцу идеальные условия содержания, не ущемляя его достоинства, кроме одного условия: он не мог ему предоставить свободу и держал в заточении, место которого сохранял в тайне. Это наиболее яркий эпизод в сказаниях, когда включение достоинства в чувство долга, осознание долга является необходимостью.

Подобная закономерность соотношения достоинства любви и долга прослеживается в осетинской версии нартгов. Стальной Батрадз поклялся выполнить святой обет: отомстить за смерть своего отца кровному врагу Сайнаг-алдару. Он поражает Сайнага мечом: отрезает ухо и руку.

Он, радуясь удаче отомщенья,
Помчался быстро в нартское селенье.
Трофеи вражды он везет с собой.
Вот перед Сатаней предстает герой:
«Смотри скорей на этот знак отмщенья-
Висит врага десница без движенья.
А вот, смотри, держу и вражье ухо».

Но поскольку Сайнаг-алдар был славен бессмертьем (он убит был собственным мечом), Сатаней сказала Батразу, что, хотя враг пал на поле бранном, он освящен, и соблюдение древнего обычая является для Батразда залогом, а этот обычай состоит в сохранении человеческого достоинства: «не годится труп хоронить без уха и десницы».

«И выполнил Батрадз её совет,
В дорогу снова двинулся чуть встев.
Вот вскоре он примчался к месту боя,
Вздыхнув, взглянул на небо голубое,
С копьём, вонзенным в землю, рядом встал,
К копыю коня лихого привязал,
И, лишь закат покрылся позолотой,
Десницу с ухом он вернул с почетом» [9.217].
Хамыш влюбился в дочь Бицента Дыченога:
«Нигде в печали не найду я места,
Коль дочь твою не назову невестой.
Другого нет желанья у меня.

Коль скажешь «нет», то жить не стану я» [10.144].

Дыченег предупреждает его, что можно встретиться с горем, не одумавшись: его род обидчив, а девы не терпят упреков, и люди погибают от вспышки их гнева. Если Хамыш не будет смиренным перед его дочерью, она умрет. «И Хамыш дал клятву быть к ней благодушным и всевозможным прихотям послушным». В этих примерах достоинство содержится и в долге, и в любви. И подобные примеры из различных сюжетов могут быть отнесены как закономерность ко всей нартговской системе нравственных ценностей: дочь Даргавсара – девушка-воин – сражалась против великанов-уаигов вместе с Болатбарзаем. Когда его убили, то ее «сердце сжалось от тоски». В её померкших глазах выражалась мука. Это говорило о ее любви к Болатбарзаю. Но дерзкий авсоран, убивший героя, оставил его висеть на копье, и дочь Даргавсара поклялась снять его

с копья и предать земле. Нарушение такой клятвы считал грехом даже заклятый враг. Был один глухой в стане великанов, который не услышал клятвы девы. Он ударил её дубиной и выбил у неё одно ребро. После этого великаны подняли его на копье и, выбросив в речку, стали молить дочь Даргавсара о прощении «за великое клятвенарушение».

Ясно, что, охваченная любовью даже к погибшему Болатбарзаю, дочь Даргавсара испытывала и чувство долга перед ним, которое повелевало исполнить древний обычай. Любовь и чувство долга не противостояли в её душе, а взаимоусиливали друг друга. Но их скрепляющей основой было чувство собственного достоинства дочери Даргавсара. В сказании девушка полна достоинства, которым обычно обладает герой. Герой не может не осознавать себя как ценность, не может не обладать достоинством. На первый план в её облике выступают воинская честь и героизм; любовью охвачена душа, обладающая достоинством. Выполняя долг, выраженный в клятве, дочь Даргавсара сохраняет достоинство.

«Но вот обратно войско девичье идет,
И подняли они Болатбарзая,
Несли его, долг чести отдавая.
И свято чтя обычай погребальный,
В запад внесли его в тот день прощальный.
Похоронили там его с любовью,
Напитки разместив у изголовья.
И в знак того, что нарт был с битвой дружен,
У ног сложили все его оружие» [11.51].

В образе дочери Даргавсара выражена идея единства долга и любви на основе достоинства. Оно было благодатной почвой и скрепой этих нравственных ценностей.

В абхазских бытовых сказках, которые близки к эпосу, есть изумительная сказка «Любовь и дружба». Были два друга – Шармат и Саулах. Когда Саулах был в гостях у Шармата, в ауле Амзара он встретил красавицу Шаризан и сразу влюбился в неё. «Ни одна девушка ещё не покоряла так быстро его сердце». Он «решил уехать из этих мест, чтобы не видеть Шаризан. Этим он думал излечить рану своего сердца». Соулах не сказал об этом Шармату и уехал от него, но тайну ему раскрыл брат Соулаха – Мазлоу. Через некоторое время к Соулаху приехал Шармат. «Рядом с ним на коне сидел кто-то, укутанный в бурку, в низко нахлобученной папахе.

– Я разгадал причину твоей грусти, Соулах! – сказал, улыбаясь, Шармат. – И вот я тебе привез Шаризан» [12.286].

После этого состоялась свадьба. В первую брачную ночь Шаризан открылась Соулаху, что она и Шармат любят друг друга: «Он пришел за мной, и я думала, что он везет к себе». В этом признании Шаризан выражается её чувство долга перед Шарматом. Она знала, что Соулах тоже её любит, но не могла согласиться на брак с ним, потому что любит уже другого. В этом отказе-признании чувствуется высокое достоинство Шаризан. «Прошу, – взмолилась она, – не тронь меня! Лучше убей этим кинжалом!». И то, что достоинство в этой истории любви и дружбы всё время сопутствует любви и долгу, подтверждается дальнейшим ходом событий.

Соулах вернулся от Шаризан, с которой они были в амхаре, и сказал людям, чтобы они привезли из Чегема Шармата. Когда Шармат прибыл к нему, он сказал:

«← Дорогой Шармат, во имя нашей дружбы, неразрывной и чистой, я прошу тебя исполнить мою просьбу!... Прошу тебя...взять в жены Шаризан. Она рассказала мне все, и я знаю, что вы любите друг друга. Пусть будет она мне сестрой, и пусть безоблачной, как небо в ясный день, будет и впредь наша дружба! Вот этим мизинцем я коснулся её груди. Пусть даже это не ляжет тенью на нашей дружбе! И, выхватив из-за пояса кинжал, Соулах отсек себе мизинец».

Мы видим, что долг и любовь объединяет достоинство всех троих действующих лиц этой драмы.

Синтезирующая функция достоинства прослеживается во всей нартиаде в различных версиях эпоса. Аналогичным образом совесть в адыгской этике также содержится и в долге, и в любви. Б.Х.Бгажноков утверждает: «Будучи составной частью моральной рефлексии, самооценка включается в процесс этической рационализации жизненного мира, предстает обычно в виде социальной обязанности или долга благоразумия. Благодаря этому развиваются такие свойства ума, как здравый смысл, чувство меры, самокритичность. Долг благоразумия обязывает знать масштаб и пределы своих возможностей, активизировать процессы самопознания и самоконтроля» [13.57].

«Лицо – это честь с акцентом на представлениях о совести. В адыгстве потерять лицо означает потерять совесть. Лицо – наиболее тонкая и чувствительная материя, отторгающая, согласно замыслу культуры, всё, что противоречит адыгству» [14.71].

Для адыгства показательны суждения, в которых моральное содержание действий прямо связывают с качеством лица, с представлением о том, насколько развит у человека долг чести. Употребляются даже слова «совесть», «долг» и «долг чести». «Лицо» – орган, предъявляющий строгие требования к нравственному качеству личности» [15.72]. А где предъявляются к личности строгие требования, там присутствует и должествование.

Эмпатия как выражение любви, устойчивого внимания к внутреннему миру другой личности и признания за ней ценности в общении обнаруживает величайшую деликатность, что характерно для совестливости. Совесть как способность критически оценивать свое поведение невозможна без культуры мышления. Б.Х.Бгажноков говорит, что мышление есть акт нравственного понимания, который доводит процесс эмпатии до логического конца. Следует добавить, что важно не только понимание, но и сопонимание, самопостижение, без чего невозможна совесть как внутренний судья.

Интегративное поле достоинства и совести отчетливо проявилось в адыгстве, что было показано Б.Х.Бгажноковым, который писал: «Наибольший вес и наибольшую регулятивную силу имеет парадигма совести и репутации – нагэ. Лицо выполняет роль взыскательного и требовательного Второго Я или Сверх-Я личности, осуществляющего постоянный контроль за соблюдением принципов и правил адыгства» [16.69].

Понятию «лицо» придавалось основополагающее значение в ближневосточной средневековой философии. В XX веке к этому концепту обращалась западноевропейская мысль (Э.Левинас). Лицу в западноевропейской версии придается сакральный оттенок через универсальность. Лицо обладает богоявленностью. Для него требуется предваряющее и неотторгаемое присутствие Другого. Лицо предполагает трансцендентальность выражения. Она грозит возможностью борьбы, предполагая мир, ибо война (борьба) не является первым событием встречи «Я» и «Другого». Таким образом, лицу приписывается универсальный характер, оно в возможности заключает положительные и отрицательные ценности, но лицо имеет и нравственный смысл. Этика в данной концепции рассматривается как богоявленность лица. Через лицо раскрывается бытие вообще как основа познания смысла существования, но этому предшествует отношение «Я» к выражающему себя существу, онтологическому аспекту предшествует этический план. Выражающий себя через свое лицо человек заявляет о себе, вызывает к Другому нищетой, незащищенностью, голодом так, что Другой не может не откликнуться на его зов, ибо он своей просьбой пробуждает у Другого свободу и потребность в добродетели. При этом свобода порождается с неизбежностью так же, как мир ответственности и тяжесть бытия парализуют унижающую насмешку. Бремя бытия в нравственном аспекте порождает свободу, и тем самым нейтрализуется бесчеловечная фатальность необходимости.

Эти идеи позволяют уловить некоторые оттенки в интерпретации функции лица в «нартиаде» и в адыгстве. Если в адыгстве сделан акцент на нравственно-положительных функциях лица, то в нартиаде мы обнаруживаем широко представленными нравственно-эстетические функции лица, которые оказываются в ряде случаев основой трагической коллизии, порожденной архетипом – свой, чужой.

В этом отношении идеи Б.Х.Бгажнокова приобретают ещё большую ценность, ибо они помогают установить связь и различие адыгства и нартиады как различных уровней организации древней культуры Кавказа.

В адыгской культурной традиции фиксировалась моральная идентичность и интраидентичность, т.е. моё лицо, личное достоинство и его поддержание и лицо референтной группы, общности. Интраидентичность фиксирует индивидуальный аспект образа Я, и это, по определению Б.Х.Бгажнокова, наиболее полное выражение совести, её визуализация и материализация. Совесть – основа самоидентификации. В результате анализа адыгства Б.Х.Бгажноков приходит к выводу, что достоинство и совесть объединяются в мужестве. Мужество проявляется в доблести и благородстве как выражение достоинства. Доблесть же как кратковременная активность, актуализирующаяся в моменты опасности, требует таких проявлений качеств, которые характерны для совести. Это борьба мотивов и психологическая мобилизация, необходимая для их баланса, победы человека над обстоятельствами и собой, нравственное обоснование своих действий, критическое отношение к ним. «Воинское мужество поддерживается силой общественного мнения, сознания позора, который ожидает человека, дрогнувшего в бою» [17.64]. Таким образом, доблесть предполагает наличие совести, стыда и без них невозможна.

Но проявление принципа сосредоточения в нартиаде обнаруживается и в обусловленности достоинства другими нравственными ценностями. В нартиаде наблюдается зависимость достоинства от первого интегративного поля (добра и справедливости).

Достоинство проистекает из добра. Такова одна из главных тем осетинского сказания «Ацамаз-сын Уаза». Например: Уаз подарил своему сыну Ацамазу золотую, как солнце свирель. И с тех пор Ацамаз играл на ней среди кремневых скал. Под переливы золотой свирели стали раздаваться птичьи трели, закинув ветвистые рога, пустились в пляс олени, пугливые стаи серн, черные козлы, зайцы, лисицы. Звук свирели разбудил в теплых берлогах Полночных гор нерасторопных медведей, и они заплясали неуклюжий симд. Раскрыли солнцу девственные чаши цветы, и к ним из дальних ульев утренней порою летели пчелы. Внемя чудесным звукам, роняли на землю теплые слезы облака, с высоких ледников устремились бурные ручьи.

Звуки, извлекаемые Ацамазом из свирели, как энергия радости, несли добро всей природе. И это добродетель, совершаемое Ацамазом, повышало его достоинство. Когда дочь Сайнаг-алдара, гордая красавица Агунда, обратившись к Ацамазу, выразила желание овладеть навеки его золотой свирелью, он не ответил ей на просьбу, а в гневе разбил свирель о скалу. Ацамаз осознавал свою ценность как человека через музыку, через волшебную свирель. И он отреагировал таким образом на слова Агунды, потому что увидел в её желании посягательство на своё достоинство. Лишенный свирели, он не сможет делать добро и утрагит достоинство. Так, по логике, должен был думать Ацамаз.

Интерпретация отношения достоинства и справедливости широко представлена в сказании «Смерть Созырко» (осетинский вариант). Смертельно раненный Созырко определяет достоинство животных и птиц с учетом их справедливых действий по отношению к нему в прошлом. Истекая кровью от нанесенных колесом Балсага ран, он привлек внимание ворона. Созырко предлагает ворону, чтобы он его склевал. Ворон отказался, ссылаясь на то, что, когда Созырко охотился в чистом поле, не забывал оставлять мясо убитых животных на его долю. И Созырко думает, чем бы украсить его жизнь. Отказался от предложения Созырко и волк:

«Нет, благодарным быть я не умею.

От голода скорее околею.

Но я тебя не трону никогда.

Охотясь, ты мне оставлял всегда

И диких коз, и туров мяса вволю,

Ведь от тебя всю жизнь имел я долю».

И Созырко наделяет его отвагой: «При каждом нападене на стада мою отвагу ты имей всегда». На предложение Созырко лиса ответила уклончиво, выразив желание его кровью утолить лишь жажду. Но и на это Созырко отреагировал:

«За то, что ты так ласкова, пригожа.

Пусть лисья шкурка будет всех дороже».

Отказалась от мяса Созырко сова. И он говорит:

«Ну, раз не хочешь ты меня обидеть,

Твои глаза пусть ночью будут видеть».

Животные отказываются прикоснуться к телу Созырко для утоления голода, помня его справедливые

деяния, и он наделяет их различными положительными качествами, которые составляют их ценность и достоинство. Животные наделяются чертами достоинства в зависимости от справедливых действий.

Если достоинство есть осознание человеком себя как ценности, то это невозможно без критически объективной оценки своих поступков, мыслей, желаний, осознания и переживания их, что является существенным признаком совести. Пшибадыноко говорит пастуху:

«Я – не обжора и не пьяница,
Я не завсегдагай лагун,
Я много не беру взаимы,
Я – другим опора,
Я – всадник, чужого не надевающий,
Нарта – сподвижника я ишу» [18.257].

В этих словах трудно даже отделить достоинство от критической самооценки. Более очевидно это различие выступает на лингвистическом уровне, там, где Пшибадыноко отрицает наличие в себе пороков, высказывает неприятие их, речь идет о совести. Утвердительная форма собственной характеристики говорит о достоинстве. Пшибадыноко может судить о своем достоинстве на основании критериев правильности своего поведения, т.е. исходя из совести. Пшибадыноко, по словам Сатаней, «сам собою любит». ...Он не прощает обиды:

«Если уедет недовольным –
Угонит скот...
Погубит нартское племя».

Он «не задерживает коня ни перед чем».

Но достоинство Пшибадыноко основано на высшем проявлении совести. Если он не прощает обиды, то потому, что сам не обижает других. Он даже собственного коня никогда не подгоняет. Он не допускает, чтобы достойные люди были недовольны им, и даже приподнесенный ему кубок с ядом змеи он выпивает. После того, как нарт отдал в жены Пшибадыноко свою сестру, красавицу Хабибат, он вскочил на край ана и, не пошатнув его и не пролив шипс, проплясал и соскочил.

В сказании «Урызмаг и кривой великан» между молодыми нартами разгорелся спор, кто в нижнем квартале самый храбрый, и чья жена всех краше и умнее. Решили спросить у вещей Кулбадаг. Когда она назвала имена Урызмага и Сатаны, нарты были недовольны и жестоко избили вещь. По возвращении из похода Урызмаг узнал об этом печальном случае и счел своим долгом восстановить справедливость, ибо среди славных нартов это случай редкий, позорный и недостойный.

Кулбадаг дает ему совет идти с «достоинством непоборимым» к спесивым юнцам, ее избившим, и доказать, «что имя доблестное Урызмага обозначает вечную отвагу». Урызмаг идет на ныхаз и зовет молодежь идти в поход, чтобы утвердить своё достоинство в мужестве и стойкости. Другой пример: в походе воинов застиг холод и, страдая от голода, нарты спрятались в пещеру и не знали, что предпринять. Урызмаг в сражении с кривым великаном одержал победу и накормил не только воинов, но и весь народ. Выполняя долг по восстановлению справедливости, Урызмаг утвердился в достоинстве.

«Он нартов славных плотно накормил,
И каждый нарт и сыт, и весел был.

Вернулись с песнями они обратно,
В село родное достославных Нартов.
И стадо на две части разделили,
И Кулбадаг одно оделили,
Обогатив её в одно мгновенье,
Из остальной же части для селенья
Был сделан кувд, за ним ещё другой.
Все поняли, кто лучший был герой» [19.307].

Здесь достоинство вытекает из выполненного долга, т.е. зависит от него.

Любовь есть важный критерий достоинства человека, ибо она позволяет определить истинную ценность его. Каков человек в любви, таково его достоинство. Представляя собой единство рационального и эмоционального, любовь содержит в себе эвристический момент. Когда говорят – любовь прозорлива, подразумевают, что любящий становится мудрее, проницательнее. В таком случае, любовь способствует осознанию человеком себя как ценности. Например: Сатана изменила Урызмагу, когда он был в походе. Мастер золотых изделий Сафра соблазнил её ножничками, которые могли превратиться в мальчика и девочку. За это чудо Сатана отдалась Сафе. Урызмаг, заподозрив измену жены, решил не возвращаться в свой дом. Сатана в отчаянии пошла в изгнание, но она не перестала любить Урызмага: шла по горам, переходила реки, не смыкая глаз от горьких мыслей. Шла в мужской одежде и однажды в солнечной долине встретила пастуха.

Сатана – лжестранник показала ножнички пастуху, и он был так поражен этим чудом, что готов был за них отдать, что угодно. Сатана ответила, что она их променяет только на женщину.

Тогда промолвил Урызмаг Сатане:

«Исполнил бы я всякое желанье,
Коль женщиной родился бы я на свет,
То верности нарушил бы обет.
Не вынес бы я этого соблазна».

После чего Сатана открыла свое имя, и они узнали друг друга. Сатана при встрече первая узнала Урызмага и «от радости задрожала». А Урызмаг обнял её, сделав шаг к примирению. Оказывается, они не переставали любить друг друга, но взаимно признали право каждого на обладание чудесным, что означает право на достоинство, право на свободу и самостоятельность. Если бы их любовь угасла, то они не признали бы достоинства друг друга, не признали автономной, независимой ценности другого. Любовь лишь повысила их уровень сознания своей ценности.

Когда нравственные ценности нартияды, имеющие два интегративных центра, синтезируются этими центрами, интегрируются, то в соответствии с принципом сосредоточения функций, конкретизирующим и дополняющим принцип единства в многообразии, они становятся эстетическими ценностями, соответствуют критерию прекрасного. Вследствие их органического единства, заключающегося в этом переходе, мы и назвали второй интегративный центр базовых элементов культуры нравственно-эстетическим и не стали выделять специально в этом континууме структуру эстетических ценностей, относительно независимых от нравственных.

Примечания:

1. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик. Издательский центр «Эльфа». 1999. – С. 33.
2. Там же. – С. 32.
3. Там же. – С. 34.
4. Там же. – С. 40.
5. Нарты. Адыгский героический эпос. – М., 1974. – С. 192-193.
6. Балкаро-карачаевские сказания о нартах // Героический эпос народов СССР. Изд. художественной литературы. – М., 1975. – С. 216-217.
7. Нарты. Адыгский героический эпос. – М., 1974. – С. 212.
8. Там же. – С. 212.
9. Нарты. Эпос осетинского народа. Изд. академии наука СССР. – М., 1957. – С. 217.
10. Там же. – С. 144.
11. Там же. – С. 51.
12. Абхазские сказки. – Сухуми, 1979. – С. 286.
13. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Издательский центр «Эльфа», 1999. – С. 57.
14. Там же. – С. 71.
15. Там же. – С. 72.
16. Там же. – С. 69.
17. Там же. – С. 64.
18. Нарты. Адыгский героический эпос. – М., 1974. – С. 257.
19. Нарты. Эпос осетинского народа. Изд. академии наука СССР. – М., 1957. – С. 307.